

П. А. ПАВЛЕНКО

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ВОЕННЫХ ЛЕТ

ОТ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ДО ПРИБАЛТИКИ, 1942—1945 гг.

Публикация Н. К. Трениной

Предисловие и примечания Ц. Е. Дмитриевой

Петр Андреевич Павленко (1899—1951) принадлежал к поколению тех советских писателей, которые в красноармейских шинелях и буденовках, с лычками политруков и комиссаров пришли в печать с фронтов гражданской войны.

Писатель начинал свою литературную деятельность в 1921 г. «на маленьких, но живых страницах» «Красного воина», газеты 11 Особой Краснознаменной армии, только что проделавшей под руководством Серго Орджоникидзе и С. М. Кирова поход из Астрахани, через Махачкала, Баку и Тбилиси, к Батуми. Павленко добровольцем вступил в эту армию в апреле 1920 г. и служил в ней бойцом и политруком.

Потом уже пришла большая литература, признание М. Горького и Романа Роллана, слава известного писателя, а вначале была газета — «замечательная школа», как называл ее Павленко.

В 1948 г., в письме к Всеволоду Вишневскому, Павленко с полным основанием называл 30-летний юбилей Советской Армии своим личным праздником. Был ли он в рядах армии или работал в условиях общегражданской жизни — до самых последних дней никогда не терял связи «со своей старой семьей, с армейским коллективом» бывший боец, политрук, военком, полковой, а затем бригадный комиссар, полковник Советской Армии, писатель Петр Андреевич Павленко.

«Писатель должен быть бойцом», — заявил Павленко, один из создателей ЛОКАФа, на совещании оборонных писателей в феврале 1937 г. (журнал «Знамя», 1937, № 4). И сам он всегда оставался на переднем крае борьбы советского народа, ведомого Коммунистической партией, борьбы за создание нового общества.

Закончив роман «На Востоке», Павленко писал: «Война, которую, быть может, вынужден будет вести наш Союз, в случае нападения на него, явится новой в истории человечества войной <...> Это будет война за счастье...» («На Востоке» (О моей книге), — «Красная звезда», 1936, № 278, 4 декабря).

Борьба народа за свое счастье была генеральной темой творчества Павленко. В романе «Баррикады» он изобразил героизм парижских коммунаров; в повести «Пустыня» — подвиг советских людей, отражавших нападение банд басмачей; в романе «На Востоке» — защиту советской родины от посягнувших на нее империалистов; в «Счастье» — созидательный труд советских людей на разоренной фашистами земле.

Война застала писателя на ответственных постах — секретаря Союза писателей СССР и редактора альманаха «Дружба народов».

На митинге московских писателей 23 июня Павленко с полной ответственностью заявил: «И в тылу и на фронте писатели будут на страже, они будут с удесятеренной энергией делать ту работу, к которой их призовут партия, правительство и эта великая война» («Литературная газета», 1941, № 26, 29 июня).

И действительно, с первых же дней войны сотни советских писателей и среди них П. А. Павленко оказались в боевом строю.

Павленко называл своих сотоварищей «поколением пропагандистов». Таким пропагандистом великого подвига советских людей на фронте и в тылу был и он сам.

24 июня 1941 г. в «Правде» появилась первая в условиях войны статья Павленко — «Великие дни»; 29 июня — корреспонденция «Первые герои»; 10 июля «Правда» и «Красная звезда» напечатали очерк «Капитан Гастелло», написанный П. Павленко и П. Крыловым (это было первое сообщение о подвиге прославленного летчика).

Пожалуй, не было фронта, на котором не побывал военный корреспондент газет «Правда» и «Красная звезда» Павленко. Переданные по телеграфу, а иногда по телефону непосредственно с театра военных действий, его рассказы и очерки печатались в центральной и фронтовой прессе, издавались специальными листовками и брошюрами, переводились на иностранные языки.

Начав свою фронтовую деятельность под Москвой, Павленко в сентябре 1941 г. вступает с советскими войсками в Тавриз; октябрь проводит на Северо-Западном фронте и по горячим следам пишет «Русскую повесть» и книгу очерков «Народные мстители». Весну 1942 г. он встречает в Керчи; осенью 1942 г. и зимой 1943 г. Павленко в армиях, действующих на Кубани и на Северном Кавказе. Он — участник Керченского и Новороссийского десантов, а также боев на Голубой линии.

13 августа 1943 г. Павленко писал своему другу Н. С. Тихонову: «С середины октября (1942 г. — *Ц. Д.*) я в Грозном и на Тереке, в Орджоникидзе, на Ставропольщине, в Пятигорске, а с февраля — на Черноморье, у Новороссийска, у Краснодара... Видал я довольно много, начиная с прошлогодней Керчи (<...>) и кончая весенним освобождением Северного Кавказа...» (Архив Н. С. Тихонова).

Длительное пребывание на Крымском и Северо-Кавказском фронтах дало Павленко обширный материал для многих его произведений: сборников «Кубанские рассказы», «Путь отваги», «На Высоком мысу», для посмертно опубликованной повести «Это было на Кубани» и романа «Счастье», для остающегося донне неопечатанным сценария «Газават» — о защите горцами перевала под г. Орджоникидзе.

В 1944—1945 гг., вместе с быстро наступавшими частями 3 Белорусского фронта, Павленко прошел путь от Орши до Каунаса. Он был участником боев под Витебском, Минском, Вильнюсом и Каунасом, откуда передал по телеграфу ряд очерков в «Красную звезду». Он участвовал в освобождении Румынии и Болгарии, в боях у озера Балатон и под Веной. Из «глубины Европы» написаны его последние фронтовые корреспонденции. Тяжелая болезнь вынудила писателя покинуть Действующую армию в самый канун Победы.

«Тот, кто знал полковника Павленко на фронте, — вспоминал на вечере его памяти в Центральном доме литераторов в 1952 г. Борис Горбатов, — тот знал, что это был человек редкой храбрости, храбрости очень чистой, не показной, не картинной, а именно настоящей большевистской храбрости» («Павленко в воспоминаниях современников». М., «Сов. писатель», 1963, стр. 150). Не задерживаясь надолго в штабах, писатель предпочитал находиться чаще всего среди солдат и офицеров. Там он, по его позднему определению, накапливал «строительный материал — факты, поступки, меткие слова, наброски природы, детали для портретов, мысли» («Литературная газета», 1950, № 85, 21 сентября).

Записные книжки Павленко — свидетельство его боевой журналистской оперативности — красноречиво говорят об уважении писателя к советскому воину. «Человек на войне, — говорил Павленко, — это зрелище поистине поучительное, историческое». И эта мысль проходит через все фронтовые рассказы и очерки Павленко. Галерея «людей на войне» предстает и в приводимых ниже записях. Здесь и мирный овцевод, дагестанец Вейбулат, которого война сделала бесстрашным, находчивым, и герой обороны Сталинграда генерал Родимцев, и «мальчик на костылях» из Ново-Титаровской станции, совершавший отважные диверсии в фашистском тылу, и бойцы прославленных батарей Матушенко и Зубкова. Писателя восхищает и тот «гигантский путь боевых испытаний», который прошел боец армии генерал-лейтенанта Крылова, «прежде чем снять каску и отереть пот в столице Советской Литвы».

П. А. ПАВЛЕНКО ЧИТАЕТ ВОЙЦАМ ОЧЕРК «КРЫМСКИЕ ПАРТИЗАНЫ»

Кадр из киножурнала «Кинолетопись», 1942

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Частные записи перемежаются широкими обобщениями, мыслями писателя о природе мужества советского солдата. Сила его, утверждает Павленко, «в принципах. Верит он в свою силу — победит. Не верит — проиграет».

Публикация записных книжек П. А. Павленко начата была в 1954 г. в журнале «Знамя» (№ 6—7). Так как писатель обычно не датировал свои записи, их порядок в журнальной публикации был установлен условно, на основании сопоставления содержания записей с темами, которые Павленко разрабатывал в тот или иной период своего творчества, или с фактами его биографии. Впоследствии эти тексты вошли в шестой том Собрания сочинений Павленко (М., Гослитиздат, 1955) и в сборник его литературно-критических работ «Писатель и жизнь» (М., «Сов. писатель», 1955). В наиболее полном виде первые записные книжки представлены в отдельном издании: П. А. Павленко. Записные книжки (Симферополь, Крымиздат, 1955).

В архиве писателя, хранящемся у его вдовы, Н. К. Трениной, еще остались нерасшифрованные записные книжки. Четыре из них подготовлены для настоящей публикации; материалы этих книжек печатаются в сокращенном виде, в частности исключены записи, полностью вошедшие в уже изданные произведения писателя. Кроме того, в публикацию введено несколько записей, сохранившихся только в машинописных копиях.

Печатаемые записи расположены в хронологическом порядке, применительно к боевым операциям, в которых участвовал писатель. Записи о Кубани, Северном Кавказе и боях за Черноморье относятся к 1942 и 1943 гг.; записи о боях за Белоруссию и Литву — к 1944 г.; несколько записей — к 1945 г.

Рассказ «Танки у реки» сохранился в виде авторизованной машинописи; он печатается впервые.

1942—1943

Безмолвные, оставленные людьми вещи делали дорогу похожей на картину наступления, когда в азарте неустрашимого порыва человек несется вперед, бросая на пути все лишние тяжести, и по тому, как он бросил их, видно, что вела его только одна мысль — двигаться вперед, двигаться любой ценой, сбрасывая с пути все, что могло помешать. Если бы вещи, брошенные вдоль дороги и среди разможенных колесами полей кукурузы и подсолнуха, не были наши, советские — душа бы радовалась тому, как быстро проходил человек. Но вещи были так знакомы, как свои личные ¹.

Легкий, прозрачный вечер, чуть-чуть озаренный красной полосой низкого заката, был похож на белую ночь — ночь без теней и тьмы. Пыль под ногами уже тяжелела от росы.

Чем ближе к зоне огня, тем все оживленнее становилось вокруг. Множество людей, неизвестно откуда взявшихся, стояло и лежало в поле. Вереницы бойцов шли с пустыми ящиками в одну сторону, а с нагруженными — в другую. Слышался приглушенный разговор по телефону где-то у самой земли. Очередь бойцов лежала у военторговского разносчика, который, стоя на коленях, ощупью находил и отпускал свой товар. В воздухе запахло хлебом, махоркой, сапогами. Откуда-то, прямо с поля, поднималась мелкими струйками плоская полоса тумана. Это и был противотанковый ров, уже занятый по своим внутренним скатам шумной, веселой аудиторией, курившей и чему-то весело смеявшейся.

Павшина ² любила фронт за полное и ясное довольство жизнью, которое проявлялось здесь в каждом. Уж если смеялся человек, так от всей души, если бывал храбр, так всем существом, если подл — так во всех смыслах, а не так, как в тылу: «подлец, сукин сын, но талантлив». На фронте мало разных «но».

— Кстати, вы, люди искусства, обратите на него внимание. Трус, вы понимаете, был классический, под суд отдали, а теперь — к ордену представили. Загадка, а? Кто бы мне его раскрыл, как таблицу умножения? Я бы тому ничего не пожалел. Как один в деле — успех, как в группе — провал. Никто не понимает, в чем дело. Вот он, пожалуйста.

Ночь пала сразу. Она была черной и тихой. Звонящий шепот кузнечиков не нарушал ее грузной, похожей на низкую тучу, тишины.

Ночь была темна до пустоты. Земля точно обрывалась у ног. В мире существовал только глухой гул голосов да тихий шелест воды.

Бой, шедший за горизонтом, казалось, быстро надвигался к реке, но к рассвету, когда казаки вышли к развалинам кирпичного завода, зарево слилось с розовеющим небом, и стало казаться, что бой откатился назад и даже вовсе затих. Дым, сходясь в тучи, зловеще нависал над просыпающейся степью. Сторож завода, тяжело вздыхая, объяснил, что тут пусто с прошлого вечера, что немецкие мотоциклисты залетели на секунду лишь в начале ночи, а часа два назад слышен был лязг танков в балке, километрах в трех по прямой *. Итак, поле сражения было рядом. Оно ле-

* В аэстрографе описка: от прямой.

жало красивым полукругом неубранных хлебных полей. Завод стоял на пригорке и был окружен окопами и гнездами для орудий. Для коней это было тяжелое поле.

Когда решает человек дело, которому он не знал примеров, ничто не может повредить или помешать ему.

Война — хорошо знал он — не может быть сплошным наступлением, и бывают моменты, когда отступить необходимо и полезно, как необходимо вовремя отдернуть руку от огня, чтобы не сжечь ее.

Мозг превратился в слух и руководил дыханием. Только дыхание и сердце имели сейчас значение. Усталость была так велика, что страшно было передохнуть. Именно усталость поддерживала их в эту ночь, не позволяя остановиться.

Нет такого поля, которое не могло бы стать полем сражения, и нет такого сражения, которое нельзя было бы выиграть.

Тысячи погибали, а сотни тысяч закалялись такой злобой и такой ненавистью, которой еще не знала ни одна война.

... Вечер в кубанской степи. Зима на исходе. Уже тает и сочится последний снежок, уже курчавится молодая травка на косогорах и кусты держи-дерева в зеленых брызгах только что распустившихся почек.

Бейбулат с перевязанной головой ползет вдоль дороги. То и дело ему приходится нырять в прошлогоднюю кукурузу — по дороге идут танки, машины с боеприпасами. Впереди у развилка немцы-водители на секунду останавливаются, чтобы взглянуть на указатель маршрутов. Все машины направляются влево.

Бейбулат подползает к столбу с табличками направлений: «Анапа» — и стрела влево. «Темрюк» — и стрела вправо.

Бейбулат меняет стрелы.

Мчится колонна танков. Немец-командир взглянул на столб со стрелами, пожал плечами, но машет флажком — вся колонна удаляется направо.

За танками направо уходят и машины с пехотой, и тягачи с орудиями, и штабные лимузины.

На горизонте звуки боя.

Бейбулат ползет обочинами дороги.

Столб с надписями и рисунками: Красный Крест — и стрела; пункт горячего (нарисована бочка) — и стрела; пункт технической помощи — и стрела.

Меняет всё как придется.

Немецкая санитарка на бешеной скорости подлетает к немцам, латающим два вездехода и тягач. Выскакивают санитары,жимают плечами. Автоцистерна стоит одиноко в степи.

... У перевязочного пункта скопление грузовиков без горячего и общее возмущение раненых и водителей.

В степи, потеряв сознание, лежит Бейбулат. В руках у него стрела с надписью «Питательный пункт».

Казачий конный взвод на полном скаку сталкивается с верблюжьим транспортом немцев. На их седлах надпись «Африка». Немцы в полной растерянности. Они твердо были уверены, что впереди свои.

... Казачья разведка ползет балочкой, выглядывает. По дороге в сторону от фронта несутся танки. По дороге к фронту несутся автоцистерны, санитарки.

Генерал в блиндаже. Звонок телефона. Он берет трубку.

— Пуганица? Беспорядок? Вовремя! Честное мое слово, вовремя у них беспорядок. Атакуй, Иван Андреевич! (*Звонит.*) — Венера? Антон Сергеевич? Атакуй, родной! (*Звонит.*) — Диана? В атаку!..³

Вельговен, странствующий поэт Норвегии, ходил по всей стране с карманами, набитыми семенами, и разбрасывал их повсюду, в надежде, что хоть половина взойдет.

ПЕРЕВАЛ

Рассвет застал нас в начале перевала. Утро наступило мгновенно. (Пейзаж укрепленного перевала.)

Осетин-проводник сказал:

— Конечно, благодарение нашей Красной Армии. Конечно, хорошо немца отбила. За это не говорю. Но жалко.

Я поглядел на него с удивлением.

— Жалко. Пропала работа. Ей-бог<у>. Мы <бы>здесь ему такой прием сделали — честное слово, на пятьдесят тысяч трупов. Минимум! — произнес он торжественно, как произносят клятву.

Сейчас проверяется всё. Слабое, жизнеспособное, существовавшее по инерции, безжалостно отбрасывается. Сильное, прочное, смелое властно занимает передовые места. Всё, что воюет за правое дело, уважаемо и ценимо. Всё, что пытается переложить бремя войны на чужие плечи, теряет уважение общества. Только воинствующее прекрасно, будь это явление искусства или факт науки...

Слово писателя, его призыв, его песни, его лозунги доходят сейчас до таких глубоких слоев народа, до каких ранее он даже не мечтал дойти. Потому что никогда еще художник не был так нужен людям, как сейчас. Потому что никогда так не любил человек свою культуру, свой язык, свою песню, как любит сейчас, в дни тягостных страданий родины ⁴.

Было бы неверным утверждать, что гвардейцы Родимцева одни вынесли на своих плечах всю тяжесть обороны, нет, другие сражались не хуже, но Родимцев создал стиль борьбы, тот стиль, о котором сами же немцы (см. Таленского о Сталинграде) писали: «Только позднее будут зарегистрированы характерные признаки этой борьбы, не имеющей прецедента в истории войны, и будет создано тактическое учение об уличной борьбе, которая нигде еще не происходила в таких масштабах»⁵.

Война — тяжелая, но могучая школа жизни. В ней не бывает не закончивших курса или исключенных за бездарность. Война учит и тех, кого она возносит, и тех, кого карает.

13/1 вечером почти безлюдный Кисловодск. Тишина. Запустение. Далекий, далекий медвежий угол.

Вечер 20. Ноябрь 1942
 Вечер 20. Ноябрь 1942
 Вспоминаю, спрашивают
 кто из них, кто из
 всей страны с Керманшан,
 и восточными семьями, и
 расфасован на повсюду,
 в надежде, что кто
 поживет здорово.

К теме: "Кавказские
 города"

Мокрым ноябрьским
 вечером 1942 эшелон
 с танками без огня
 подошел к Грозному
 на чье счастье, что

нема, кто-то с
 Уинстон с с...
 и в...
 дома, поручил...
 Уинстон...
 Рассказываю, а в...
 на...
 В тот...
 Завоевал...
 или...
 бойни...
 укреп...
 Уинстон...
 Грозный...
 и...
 Грозный...
 И с...
 Грозный...
 на...

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА П. А. ПАВЛЕНКО
 Страницы с записью к теме «Кавказские города». Ноябрь 1942 г.
 Собрание Н. К. Трениной, Москва

Город лежал как бы в глубоком обмороке. Всё как-то притаилось, сторбилось. Парки стали реже, ниже. Уют соскочил с городов, как исчезает загар или румянец. Они больны.

К теме: «Кавказские города»⁶.

Мокрым ноябрьским вечером 1942 эшелон с танками без огня подошел к Грозному.

Мы уже слышали, что немцы пытались уничтожить его с воздуха и что возникли пожары, потушенные невиданным героизмом рабочих.

Рассказывают о тучах дыма, стоящих на 100 км вокруг города.

В тот темный и мокрый вечер Грозный запомнился лишь стальными ершами на улицах, бойницами в стенах домов, укрепленными точками на перекрестках и той напряженной и малолюдной тишиной, которая сродни местам, действительно опасным, близким к сражению.

И в самом деле, опасность всё еще угрожала Грозному.

Но утром город изменился так резко, будто его за ночь переделали в другую робу, и представился нам хотя и близким к фронту и на угрожаемом положении, но городом, работающим до изнеможения на своих производствах.

... Земля еще сохранила местами следы пожаров. Путь огня угадывался по угольной черноте мостовых, закопченным стенам домов, останкам сгоревших механизмов.

Ночи были как-то по-особенному темны.

Весь город был в копоти и дыму, как рабочий, много суток не выходящий из цеха.

Баку. Я еще никогда не видел таких пустынных улиц, как осенью 1942 г. в Баку, после часа, когда прекращалось движение без пропусков.

Словно жители города, все до единой души, покинули его на ночь, аккуратно потушив свет в квартирах и тщательно закрыв ворота домов.

Казалось, что сейчас все мысли бакинцев сосредоточивались на нефти, и было удивительно слышать, что бакинцы увлечены не нефтью, а минометами, что они решают проблемы ремонта трофейных танков и хвалятся выпуском снарядов не меньше, чем раньше хвалились добычей нефти.

Город, как живой человек, нашел в себе дополнительные внутренние резервы и, оказавшись вблизи опасности, не только не уменьшил своего делового размаха, но удесятерил его.

Опасность делает человека сильнее и строже, если он хочет сохранить-ся прежним, а не затеряться в толпе безымянным существом.

Город невысокого роста, но чистенький, ладный, по-военному стройный — Владикавказ — как-то легко превратился в укрепление.

Дома стали деталями крепости, а жители — гарнизоном.

Города живучи, как змеи.

На Туапсе нет живого места, — всё ломано, бито, надломано или сожжено, а город и порт работают. Девушки, смеясь и накрывая головы полами пальто — от осколков, бегут в кино. Разгружаются корабли. Грузчики с ящиками снарядов на спинах мерною поступью шагают с корабля на берег. Осторожно блеснув фарами, [проносятся] машины, и звонко, голосисто, словно нет ничего в мире кроме этого звука, [раздается] сигнал маневренного паровоза.

А взрывы валяются и валяются, как титанические обвалы. Встает зарево — будто луна вылезает из-за соседнего дома, и в воздухе мешаются запахи взрывов, гари, взметенной пыли, как бывает при сильном ветре, дующем на город со стороны заводов.

Во втором акте огонь зениток стал таким оглушительным, что актер вынужден был повесить голос, чтоб его слышали.

Акт кончился криком, и холщевый занавес заметно колыхался оттого, что вздрагивало здание.

— Ну и пьеса! Ей-богу, зрителей поубивают до ее окончания.

Виктор Соловьев ?, 14 лет, сын бухгалтера райсберкассы в Ново-Титаровском, одноногий, на костылях.

Организовал вокруг себя человек восемь ребят 12—13 лет и организовал свою войну в станице.

Резал финкою скаты, выпускал бензин из автомашин, крал из автомашин винтовки, пистолеты. Рвал связь.

Отряд его работал месяца полтора. Немцы часто избивали ребят, но хромого никогда не трогали. Да и ребята его не выдавали, любили. Он окончил 5 классов.

Отец в армии, мать дома. Кроме Виктора, две сестры — Тося и Зоя — и старший брат Георгий были у партизан.

МАЛЬЧИК ИЗ ОСВОБОЖДЕННОЙ
ДЕРЕВНИ

Рисунок В. С. Климашина.
Калининский фронт, 7 июля 1944 г.
Собрание В. Ф. Климашиной, Москва

К теме: Витя Гусак.

Кто знает, сколько бессонных ночей провел он за фантастической игрой — в партизан, в Зою Космодемьянскую, в парашютистов или разведчиков. Мы ведь не всегда знаем, что снится нашим ребятам, чья биография волнует сейчас их мысли. Дети примеряют на себя только великие судьбы — переигрывают ли они заново Бородино с собой — Кутузовым, или бомбят Берлин вместе с Молодчим.

В сердце ребенка всегда живет что-нибудь грандиозное. Он хочет быть всем, что особенно ярко. И если слышит о страданиях, — прикидывает, перенес бы их сам или нет; если о героизме — превзошел ли бы он.

Сколько бессонных ночей провел он в жуткой детской войне с немцами, когда немцы были еще далеко от его города. Он сражался с ними ожесточенно, хитро, с дьявольской увертливостью, привлекая на помощь всё читанное и слышанное, и в его маленьком сердце, где легко и просто уживалось реальное с вымышленным, героизм был тоже легким и простым, совсем обычным делом, которое ему лучше было известно, чем взрослым, потому что он ближе был к героизму. Сколько раз, направляясь в школу, он воображал, что идет на опасный поиск, и ставил себе задачу на скрытность и внезапность подхода, на ловкий уход, на бой в окружении.

Когда мальчику отлично известны все проходные дворы в родном квартале и он знает все подвалы и чердаки своей улицы, — ему незачем воображать себя в Индии или в Африке. Он может совершить героическое, не уходя из дому.

Не однажды бывал он ранен в игре воображения, не однажды издевались над ним фашистские палачи, грозя смертью, но он выходил победителем из всех трудностей и так, играя, приучал себя к ним, как к неизбежному.

Чем ближе надвигались немцы к родному городу, тем игра приобретала все более острый характер, и все то великое, необыкновенное, что совершили подростки нашей страны в других городах и селах, неслось к нему со всех сторон, обогащая и укрепляя его дух.

И когда немцы появились в городе, он уже был готов к войне с ними ⁸.

Сейчас, на скромной фотографии, черты его лица кажутся резкими, энергичными, пожалуй, чуть грубоватыми. Но стоит взглядеться, и перед нами оживает ласковый, застенчивый паренек, больше мечтатель, чем практик, но мечтатель, который упрямо заставляет реальное работать на свою самую несбыточную мечту. (Тут из биографии.)

... В тот вечер, когда он впервые увидел немцев на улицах Краснодара, он еще не знал, с чего и как придется ему начать. Но он уже приглядывался к противнику и изучал его, выжидая.

Семья их жила пока более или менее спокойно, непосредственная опасность не угрожала им.

И план стал сразу же развиваться и укладываться в его голове.

Нет ближе героя, чем тот, который жил на твоей улице, был твоим соседом и учился в школе, где учился ты! Такой герой становится частью собственной души. Она наследница его геройства.

Батарея Зубкова ⁹.

Лес перебит. Деревья истерзаны. Воронки. Камни со следами осколков. Орудия в ссадинах. В четвертое орудие было три прямых попадания. Дворик бетонный разворочен. Щит пробит, прицел снесен. Орудие работает прямой наводкой и подбило два танка. В камбуз попадало семь раз.

После каждой бомбардировки пейзаж сопки меняется. (Мыс Пенай.) Пеначий мыс.

— Ну, пойду в галльюн!

— Раньше надо установить, где сейчас галльюн. Позавчера его отнесло на 60 метров.

Рукомойник уже третий. Два предыдущих уничтожены. Сегодня рукомойник прикреплен к последнему целому дереву перед КП Андрея Эммануиловича Зубкова. Сопка скальпирована. Много раз лес горел.

Погиб фельдшер Степан Иванович Стрельников, 39 лет, боевой, отчаянный.

Старший сержант Борисенко Илья, командир огневого взвода — тоже погиб. Был хороший мастер.

Пушки в ссадинах. Щиты залатаны. Стволы ободраны до сурика. Похоже на кровоподтеки.

Прямым попаданием 210 мм снаряда был разбит кожух у одного из орудий.

Орудие было умерщвлено. Теперь оно представляло из себя не более, как кусок металла, хотя все приборы его были целы. Тут же, под огнем, орудийники Шульги отпилили поврежденную часть кожуха, заново выточили копию поврежденного куска и надели на ствол. Пушка начала вторую жизнь. После этого она дала уже 800 выстрелов.

Мастерская Шульги за год восстановила 60 орудий армейской артиллерии и 485 — для кораблей и береговой обороны, причем иные пушки воскрешали к жизни до трех и четырех раз. Немецкие автоматы переделывают под советский патрон. Пулеметы тоже.

«Где тревога, туда и дорога» (А. Суворов).

Матушенко.

21.VI сдали Северную сторону.

За 9.VI на батарею Матушенко сброшено 800 бомб и 700 снарядов, а он сам выбросил 450. Но на батарее не было ни одного раненого, ни одного убитого.

Применил свою тактику — 4-орудийная стояла на 102 метра, а на новом месте пушка от пушки — 200 метров. Открывал огонь первой пушкой, потом переносил на третью и т. д. Если огонь шел методически, то стрелял всегда один боец, по очереди.

Для взрыва батареи оставил шесть человек. Они оставались два дня, потом переплыли залив.

Для учета падающих бомб и снарядов Матушенко выделил двоих краснофлотцев — они не успевали ставить палочки.

В течение 35 минут пикировало на батарею 165 самолетов. Из города наблюдали за батареей — она была все время в дыму. Ей из города посылали телеграммы.

И все-таки за <все> время ни одного убитого, ни одной подбитой пушки.

И когда подложили тол под пушки, южные прямым попаданием взорвали пушки.

К каждой пушке было шесть параллельных проводов — не помогло. Тогда на каждую пушку Матушенко поставил по рации.

Севастополь сдали 3.VII.

Уходя в бой на рассвете, Матушенко всегда брал с собой фонарик. А вдруг доживешь до вечера... пригодится.

Каски были надеты на бескозырки.

Младший лейтенант Середа. Был в Севастополе младшим сержантом. Когда он плыл от Херсонесского маяка к катеру, в него стреляли с берега. На воде торчали головы людей. Они тонули. Кричали раненые. Середа стал раздеваться в воде. Силы падали. Наглотался воды. Четыре катера уже набрали людей и ушли, пятый еще стоял, починал мотор. Втроем на автомобильной камере краснофлотцы подплыли к катеру. Он уже отошел. С палубы сбросили канат. Схватился за него, двое тоже уцепились за Середу, но он не удержал каната. Бросили ему из кормы другой, он замотал конец за руку, рука хрустнула, он сжал зубы, но не бросил конца. Потом его вытащили.

Несомненно, что каждый приходит к храбрости своим путем. Но каковы бы ни были эти пути, очевидно, что они не открываются случайно, их находят сознательно — в результате ли чужого подвига, общего ли успеха, который удесяттеряет веру в себя, в итоге ли постепенно накопившегося опыта. Путь храбрости — это путь чести, т. е. благородства и гордости, — черт, не присущих людям с мелкой душой. Но, видно, может быть и так, что человек совершает храбрый поступок и проявляет подлинную отвагу, не желая этого и даже всеми силами противясь этому, но обстановка все-таки оказывается сильнее его.

Ведь бывает же, что человек научился плавать только, когда тонул, а до этого случая его никакими силами нельзя было уговорить не то что броситься с вышки, но хотя бы тихо и осторожно войти в воду на глубину своего роста.

Запас храбрости, наверно, подобен запасу живучести, органически присущ человеку, но у одного он как бы на поверхности, а у другого заложен настолько глубоко, что «разработка» его сопряжена с колоссальными трудностями, и только счастливый случай, который враз перетряхивает всего человека, способен сделать храбрость послушной и отвагу простой и естественной. Я думаю обо всем этом, слушая Н. и глядя на него...

Видно, такой именно случай «нравственного землетрясения» и произошел с красноармейцем Иваном Аркадьевичем Ползиковым. Оставляя имя и отчество, я несколько меняю его фамилию, чтобы не срамить поступками прошлых дней биографию, ставшую примерной. В этом тем более нет никакого смысла, потому что между Иваном Аркадьевичем 1942 г. и им же в 1943 г. нет почти что ничего общего.

Тот Иван Ползиков, что начал войну с фашистами на белорусском театре войны, был человеком до крайности нерешительным, не верящим в свои солдатские силы, глубоко презирающим себя как воина.

В июле 1941 г., будучи в боевом охранении, он до того испугался ночной перестрелки, которую открыли, как потом оказалось, свои же, что едва не бросил винтовки, спасла случайность. Ефим Горшков наткнулся на обоз с продовольствием и, найдя большой круг швейцарского сыра, проткнул его винтовкой Ползикова. Потом они подняли ее на плечи и понесли вместе с сыром к себе в роту. Этот сыр только и спас оружие Ползикова.

В августе и сентябре того же года, да, впрочем, и в октябре, и в ноябре, до самого разгрома немецких войск под Москвою, Ползиков оставался тем же вялым солдатом, как и в первый день. Он стал заметно деятельнее, инициативнее лишь в вопросах хозяйственно-заготовительных.

Если ему нужны были портянки или полотенце, он смело обращался за ними к хозяйке той избы, где стоял на постое, и, если она отказывала, убеждал ее укоризненно:

— Чем немцу оставлять, мать, ты бы лучше своему отдала. Отдашь, зараза, вот что обидно, да еще поклонисься, верь мне.

Разгром немцев под Москвою в первый момент обрадовал Ползикова, — ну, слава богу, скоро войне конец, — а потом испугал — война становилась ожесточеннее, злее, и надежд, что он — Иван Ползиков — выживет, отступая или болтаясь где-нибудь в тылу, почти не оставалось. Ну, удастся прошагать еще месяц, ну, посчастливится отстоять дневальным или часовым где-нибудь во втором эшелоне соединения еще месяца два, но наступит же, наконец, тот страшный и неотвратимый день, когда очутится Ползиков под огнем, в самом пекле боя, и он будет его последним днем, за которым уже только смерть.

Ползиков твердо знал, что день испытания огнем обязательно наступит, но никак не готовился к нему.

Горшков — и тот уж на что был, кажется, неисправимый лодырь, начал учиться на пулеметчика; Заманевич — трус и ворюга, хоть и устроился письмоноском, но попутно подучивался на связиста. Все, кого знал Ползиков, готовились к будущим испытаниям, и только он один краем сознания верил, что все-таки ему, может быть, удастся как-нибудь отвертеться. Могло ведь и так случиться, что часть перебросят на формирование или на другой фронт, или произойдет что-то, чего еще нельзя предвидеть, и страшное испытание еще несколько отдалится.

В январе и феврале 1942 г. так именно и случилось — Ползиков, как человек грамотный и честный, был командирован в глубокий тыл с каким-то хозяйственным поручением, был в командировке чрезвычайно расторопен и получил заверение, что будет взят в Военторг. И в марте 1942 г. его действительно взяли в Военторг работником прилавка...

«РУССКАЯ ПОВЕСТЬ»

Первое издание повести П. А. Павленко.

М., «Сов. писатель», 1942

Обложка

Можно сравнить сражение с оркестром, исполняющим сложное музыкальное произведение, когда от исполнителей требуется предельная чуткость слуха, чувство ритма и ясное, четкое понимание общей идеи произведения, — и в какой-то мере сравнение это будет верным.

Можно сравнить сражение и с выплавкой стали, процессом, находящимся на грани между наукою и искусством, где — уже как-то ближе к делу — в огне расплавленного металла, в его тончайших оттенках должен быть уловлен тот единственный и неповторимый момент, когда сталь готова. Предвидеть эту секунду или заранее вычислить ее нельзя — ее можно угадать только чутьем художника-сталевара, у которого не бывает «недоплава» и «переплава».

И такое сравнение тоже будет отчасти правильным.

Можно сравнить сражение, сложное современное сражение, с применением всех видов оружия и техники, с одним выстрелом, когда глаз стрелка, подчиняясь все тому же необъяснимо тонкому чувству решающего мгновения, приказывает руке произвести выстрел, и между рукою и глазом возникает такое тесное содружество, которое потом, в другой обстановке, уже нельзя повторить. И это сравнение тоже будет отчасти правильно. Оно, может быть, будет даже правильнее всех остальных, потому что в нем наиболее обнажено чувство мгновения.

Большое, сложное сражение, на подготовку которого уходит много времени, чувствительно ко мгновению, как сталь, как выстрел. Слагаясь из отдельных выстрелов, из стреляющих групп, из стреляющих массивов, оно на всем протяжении своем остается чувствительным к тому кратчайшему мгновению, которое определяет успех одного выстрела.

Мне кажется, что чувство времени — одна из самых важных черт современного боя, и тот, кто глух ко времени, кто не умеет составить себе

таблицу взаимодействия, расписать, как диспетчер, все большие и малые свои операции до боя и в течение его, тот никогда не будет иметь успеха, обладай он хоть львиною храбростью. Но тут, к чести храбрых людей, надо сказать, что им чувство времени, видимо, присуще органически как слух певцам, как зрение летчикам.

Недавно произошло страшное. Недавно я был очевидцем боя, где одно упущенное мгновение предрешило полный «переплав» операции. Вот как это произошло...¹⁰

Свист громче и ближе. Он прижался к земле лицом. Никакого страха. Похоже было, что и сознание распласталось где-то в глубине мозга, прижалось там к чему-то и тоже выжидало. Грохот!

Он выдохнул воздух, потому что, оказывается, не дышал, — и одно только: пока ничего!

А в это время уже летели балки, сыпалась штукатурка, — и тут короткое второе: лишь бы не задавило.

Но сознание уже осторожно выглядывало из своего укрытия, потому что свист следующей бомбы явственно удалялся.

*Походьгов*¹¹. Он так много вкладывал в окраску слов, что говорил с каким-то своим собственным акцентом, унижая или возвеличивая слова, и чуть заметным изменением их структуры придавал им новый смысл и характер.

Он бывал груб, но все считали его человеком огромной души. Он был насмешлив и любил едкую, обидную шутку, — его считали весельчаком. В сотый раз я спрашиваю себя: что же сделало из него легенду?

Неотделимость от своего дела, слитность с ним. Он был органом своего дела, его функцией, которая жила тем, что действовала.

Если он вспоминал свое прошлое, то лишь для того, чтобы подчеркнуть, что оно здорово пригодились, или для того, чтобы похвастаться, что он ловко использовал его для сегодняшних нужд.

Ко всему, что вне войны, он относился свысока.

О войне он может говорить, как Дон-Жуан о женщинах, со вкусом, со страстью, азартом, чувственно и цинически откровенно. Так говорят о женщине, которой овладели не без борьбы, но навечно.

1944

30 июня

ТРИ ГОДА

В четверг, когда дороги от Борисова к Минску оказались забиты отходящими немцами, в деревне Х. поняли, что Красная Армия близко. О том, что началось наступление, деревня уже знала. Сначала сообщила об этом партизанская газета «За Советскую Белорусь», потом догадались по беспоконью немцев, по быстрому, нервному передвижению их частей, по растерянности полиции, но никто, конечно, не представлял, что наступление пойдет такими темпами.

В общем, Красную Армию ждали к началу августа. Но в четверг 30 июня всем стало очевидно, что освобождение близко, что надо сейчас всеми способами укрыть от немца добро и как-нибудь спастись самим от угона в рабство.

Лес от Х. километрах в полутора, вдоль леса тянется старый, заросший густым орешником овраг — туда и бросились.

Немцы, их полицейские и даже эсэсовцы, никогда не устававшие совать свой нос в крестьянские дела, сейчас и внимания не обратили, что деревня опустела. И эта рассеянность немцев еще раз послужила подтверждением тому, что свои совсем уже рядом.

Прошлой зимой Максим Леонтьевич Машок, крестьянин из деревни Х., был задержан эсэсовцем на деревенской улице с маленьким висячим замком в руках. Что такое? К чему? Что запирать? От кого? Зачем человеку, у которого ничего нет, иметь замок? Максим сказал, что для хаты. Пошли, проверили и нашли на дверях хаты другой замок, за обман избili, оба замка отобрали и три дня подряд еще наведывались — установить, не появился ли в доме поросенок, курка или овечка.

А в четверг Максим погрузил в телегу оставшееся добро, посадил наверх троих ребят и жену и на глазах у немцев погнал коня к оврагу. Пяницу просидели, выглядывая изредка, прислушиваясь. От Х. не доносилось ни звука. В субботу брат Максима Михася решил пойти на разведку и вернулся к ночи веселый, с автоматом в руках.

— Наши пришли! Зовут домой!

— А немцы где? — спросили Михася. — Неужели все уехали до единого?

— Ни единого не видал.

И в субботу, даже не услышав выстрела, деревня была освобождена. А в воскресенье увидели первых людей из Минска, из тех колонн, что гнали немцы перед собою, когда уходили.

— Где немцы? — спросил Максим старичка в городском костюме и лаптях.

— Чёрт их знает, эту нечисту силу, — нет и нет... Удрали из Минска, — сообщил тот.

— Да нет, ты постой, — Максим остановил старика и стал допрашивать его с разными фокусами. — Да как же их нету? Да были же сотни тысяч! Три года сидели на наших шеях и вдруг — нету. Дождем, что ли, прошли, или ветром их разнесло?

— Я тебе говорю — нету, а куда делись, о том больших спроси, — сказал человек, идущий из Минска. — Я, брат, сам разгадываю, разгадываю, а ничего понять не могу.

Он хотел идти дальше, но Максим, которого уже окружили односельчане, остановил прохожего.

— Постойте, постойте, — сказал он. — Тут гадать нечего, дело ясное: раз их нигде нет, значит уничтожены.

— Дело ясное, что дело темное, — пошутил прохожий. — Конечно, одни побиты, другие разбежались по лесам, третьи сдались. Это точно. Ну, а вот новых-то, новых, из Германии, не видать что-то. Спаси нас Христос...

Вечером в воскресенье всей деревней ходили смотреть на немцев, уничтоженных нашими танками верстах в шести за деревней, искали во ржи брошенное немцами оружие и установили ночное дежурство для охраны деревни. Решив этот несложный вопрос, долго не расходились. За три года это было первое собрание, первый открытый разговор об общих, как бы даже забытых делах, и Максим, двое братьев которого были расстреляны немцами, а сам он неоднократно бит и пытаем, предложил потолковать об уборке. Сеяли в этом году, как и в прошлом и в позапрошлом, единолично, гектаров по шести на хозяйство. Колхозный севооборот поломали. Уборку вели вручную, машины МТС были забраны немцами, и о том, чтобы развивать дело, забыли и думать. Ни птицефермы, ни свинофермы, ни колхозного пчельника, ни ясель, — каждый сам по себе, со своей куркой, со своим поросенком. Конечно, жить — жили, но того азарта, что при колхозе, когда богатели каждую осенью, не было и в помине.

— Какие же могут быть разговоры об уборке? — как бы недоумевая, строго спросил Игнат Терешковский. — Кто как справится. Дело хозяйское. Учить нечего.

— А Нюрка? — Максим задал этот вопрос и сам тут же испугался его последствий. Все-таки немцы были здесь позавчера и — чёрт их знает — не появились бы завтра.

— Что же Нюрка, — с прежней настойчивостью сказал Игнат. — Покойников считать, так — чёрт ее — и живым ни пуха не останется.

Нюрку, жену красноармейца, немцы расстреляли прошлой осенью, двое детей жили у чужих людей, ходили по хатам «в куски».

— А придет ее Степан, — продолжал Машок, — придет, может, раненый, святою кровью политый, да спросит: — а что вы, соседи, для моих ребят способствовали? Ну, что скажем тогда?

— Так он же в этой, Степан-то... — сказал Терешковский и замолчал.

Недалеко был Степан, муж Нюрки, — в Красной Армии.

— А Николай, а Олесь? — Максим продолжал называть односельчан, которых сейчас не было дома, но которые пребывали в партизанах и могли вернуться в любой час.

— Тут об себе как-либо позаботиться... — уже совсем несмело заметил Игнат Терешковский, добавляя: — А впрочем, чего я? Как сход.

78 немецкая пехотная штурмовая дивизия генерал-лейтенанта Траута сформирована в 1939 г. в Баварии, в составе 195, 215, 238 пехотных полков, 178 артполка и спецподразделений. Состав — резервисты Вюртемберга и Бадена, поэтому и называется Вюртембергско-Баденская. Солдаты подбирались особо крепкие, из числа вюртембергского кулачья. Эмблемой ее является железный кулак швабского рыцаря Геца фон Берлихингена.

В 1940 и в первой половине 1941 г. несла гарнизонную службу во Франции, с 19.VI. 41 — на советском фронте, восточнее Варшавы. <Вела> бои под Белостоком, Могилевом, Ельней, наступала на Москву в направлении Можайск — Руза — Звенигород. Понесла большие потери, ее 238 полк был расформирован и более не восстанавливался.

Из Орши форсировали Березину, пробивались южнее Минска, возглавив группу из трех армейских частей — до 8000 человек.

Пецлер Гейнц, ефрейтор, 1925 года рождения, из Штутгарта, сын учителя-языковеда.

— Как попали в плен?

— Я стрелял до последнего патрона и не прятался от русских, и только после того, как погибло все мое отделение, я неожиданно был среди боя взят в плен.

— Ваша жизнь еще впереди.

— Я всё равно покончу самоубийством. Я убежден, что англичане и американцы жестоко расплатятся за бомбардировку германских городов. Я вас прошу, господин офицер, не записывать в протокол, что я убежден в победе Германии. В глубине души я сам в этом не уверен. (Солдаты этой дивизии прошли обучение, как они должны вести себя при сдаче в плен.)

Траут — крупнейший теоретик обороны — дал обещание защищать Оршу до тех пор, пока он сможет кормить свою дивизию из одной кухни.

На другой день нашего наступления он телеграфировал Гитлеру, что потеря района восточнее Орши грозит гибелью Германии.

Велиж, январь 1944 г.
1-й Прибалтийский фронт
Во фронтовой зоне
Велиж - Невель

«НА ФРОНТОВОЙ ДОРОГЕ ВЕЛИЖ—НЕВЕЛЬ. СТРАНИЦА ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА»

Рисунок А. В. Кокорина (перо). 1 Прибалтийский фронт, январь 1944 г.
Третьяковская галерея, Москва

За Минском дороги пошли куда оживленнее, чем до Березины. Всё плотнее группы партизан, всё длиннее обозы с населением, отбитые наши частями, всё грандиознее и размахистее поток наших войск. Лавина их неслась, не задерживаясь... Следы многочисленных и, очевидно, безымянных схваток сопровождали едущего по шоссе Минск — Вильнюс в течение целого дня.

Мне почему-то подумалось, что ни одно из этих молниеносных сражений не нашло отзыва в сводках ¹².

С восточной стороны города <Вильнюса> группа костелов и церквей была в руках немцев.

В подвалах — автоматчики.

А в северной и южной части — наши. Город пострадал процентов на двадцать. С верхушек костелов бьют из пулеметов.

Немцы бомбят южную окраину и сбрасывают парашютистов на эту же сторону. Двое из них тут же сдались, сказав, что <давно> хотели бы сдаться, но офицеры препятствуют. Ими командует какой-то раненый генерал. Все дома забиты ранеными немцами. Население на улицах — поляки, литовцы — встречает радостно. Все осведомлены о положении на фронтах.

Первыми: 215-я Героя Советского Союза генерал-майора Казарьяна; 144-я — полковника Донец; <101>-я генерал-майора Алексеенко; танкисты — Героя Советского Союза генерал-майора Асанова.

Вильню на высоте. Дороги с востока простреливаются. Удобно для обороны.

ЧТО ПРОИЗОШЛО

В понедельник 26 июня наши войска ворвались в Витебск, на следующее утро взяли Оршу. 20 тысяч немцев убито в Витебске, пленных взято более 10 тысяч, многие тысячи перебиты в Орше. По дорогам к Березине следы ожесточенных схваток, битые танки, битые пушки, битые немцы, растерянные лица взятых в плен немецких полковников и генералов, смятенные лица пленных солдат, сотни освобожденных сел, десятки спасенных местечек, и в пятницу той же недели мы переходим через Березину, не дав немцам укрепиться в Борисове.

3 июля освобожден Минск.

— Где немцы? — спрашивают жители и партизаны.

— Почему их так много шло на восток и так мало вернулось на запад?

Немцы были всюду — впереди, по сторонам и позади наших войск, но их никто уже не считал за что-то реальное. Это был сброд, ополоумевший от страха.

Во вторник — Минск, в воскресенье — предместье Вильны, земля Литвы. Немцы успели собрать в Вильнюсе более 20 000 войск, — объявив, что дальше Красная Армия не сделает ни шагу. Но еще раньше, чем был взят самый город, войска генерал-лейтенанта Крылова, обойдя столицу Советской Литвы, уже двигались к Неману, вслед за подвижными частями Ротмистрова.

Немцы подбрасывают резервы с севера и юга. Их последовательно наголову разбивают на севере и юге от Вильнюса. Начинаются жестокие уличные бои, напоминающие тарнопольские.

На уютных зеленых улицах Вильнюса в бой ввязываются танки, самоходные орудия.

На крыши города спускаются немецкие парашютисты. Немецкие истребители включаются в наземные схватки. Уже на землях Западной Белоруссии, вблизи границ Литвы, на военных дорогах появился новый элемент — польские партизаны. В конфедератках, большей частью конные, с красно-белыми повязками на рукавах — юноши и девушки из всех углов Польши; они дружелюбно, но опять-таки с нескрываемым удивлением встречают бойцов Красной Армии.

— А немцы? Где же те немцы, что ушли к вам в Россию? — задают они нам тот самый вопрос, который вот уже две недели подряд мы сами задаем себе.

На Остробрамском кладбище, в предместье Вильнюса, под грохот уличного сражения, решающего судьбу окруженного немецкого гарнизона, между бойцами и офицерами Красной Армии и первыми горожанами затевается разговор о том необычайном, бесконечно для всех удивительном, но — в сущности — совершенно закономерном явлении, свидетелем которого мы все являемся.

Что произошло?

Перед Красной Армией от Витебска до Орши стояли отборные немецкие дивизии из числа мало битых или даже совсем не битых и поэтому еще сохранивших высокую боевую и моральную устойчивость.

Эти закаленные в боях дивизии занимали глубокий оборонительный рубеж, созданный с учетом последнего опыта войны. Рубеж этот казался фрицам неприступным. Таким образом, все шансы были, казалось бы, на стороне противника. Его уверенность в непроницаемости своего рубежа покоилась на весьма реальных факторах. 23 июня этот рубеж был прорван героическими усилиями войск Красной Армии.

Была ли слаба немецкая оборона? Нисколько. Схема оборонительных сооружений между Витебском и Оршей поражает своей продуманностью, законченностью, глубиной.

Условия местности (болота, частые реки, леса) были тоже неудобны для наступающих войск.

Понадобилось много труда и настойчивости, чтобы разведать немецкую оборону и затем организовать артиллерийское наступление таким образом, чтобы не только развалить и разрушить какие-то отдельные объекты или заставить замолчать какие-то группы орудий, но уничтожить все материальное и все живое на участке прорыва.

Это удалось. Пехота во многих местах бросалась вперед, не выжидая окончания артиллерийской подготовки. Прорвали километр, за ним другой. На участке генерал-лейтенанта Крылова прорыв быстро расширяется до 50 километров, и в эти широкие ворота классически вводятся подвижные части маршала танковых войск Ротмистрова и Героя Советского Союза генерала Обухова. Болотистая Березина не задерживает войск. Пехота движется, не отставая от кавалерии и танков. Артиллеристы на руках протаскивают орудия по зыбким болотам. Набрасывают на дно реки камни и, несколько таким образом приподняв дно рек, по таким подводным гатям перевозят орудия на противоположный берег. Что касается передовых частей пехоты, то они не наводят и мостов, а переправляются вплавь. Красная Армия разрезает белорусский фронт немцев на глубину до 200 километров. Но наступление 1944 г. ставило перед собою не только задачи прорыва и выталкивания противника на запад. Прорвать немецкую оборону и уничтожить или взять в плен его живую силу — вот что было задачей советского солдата летом 1944 г. Он ее выполнил. Большая часть немцев, засевших на линии Витебск — Орша, была уничтожена и пленена, меньшая разбежалась по лесам или докатилась до Вильнюса и Немана. Смелый решительный замысел принес поразительные результаты. Войска вышли на оперативный простор.

В ВИЛЬНЮСЕ

Вечером 12 июля, после сухих и знойных дней, неожиданно похолодало, и грянул затяжной, утомительный дождь. На темных улицах Вильнюса еще сильнее запахло гарью. Дым, сбитый дождем к земле, стоял в узких переулках старого города до вторых этажей.

Огни пожаров, перемахивающие с крыши на крышу, уползли внутрь домов, — там что-то трещало, билось и лопалось, предоставленное случайностям этой жуткой и — все чувствовали — уже последней немецкой ночи.

Уличный бой медленно сдвигался к северо-западу, к району тюрьмы и госпитальной рощи, где все еще продолжали обороняться немцы. Они были окружены, разбиты на отдельные, теперь уже никем не управляемые, группы и уничтожались.

Вчера и третьего дня было много пленных, и уже становилось очевидным, что и у тех, кто еще не сложил оружия, не остается иного выбора, кроме плена или гибели.

Но это были самые отъявленные головорезы, смертники, запятнавшие себя злодеяниями на нашей земле. Они боялись плена. Они еще верили, что к ним придет помощь. Действительно, по ночам прилетали конкеры и сбрасывали на город парашюты с боеприпасами и горючим. Смоченные дождем, они вяло шевелятся на крышах, колеблемые ветром. Они спускаются с карнизов домов, как рваные театральные занавесы, они шелестят на мостовых, будто пытаются уползти в подворотни.

Незадолго до полуночи на улицы, условно играющие роль переднего края, подошла ширококошечная станция, и над дымящимся городом разнесся голос нашего переводчика.

Стрельба стала реже, а вскоре и совсем прекратилась. Голос переводчика, как голос сказочного гиганта, один звучал в горьком воздухе дождливой ночи, обещая жизнь тем, кто сегодня сложит оружие.

Вскоре после полуночи на улицах вокруг последних очагов немецкого сопротивления зазвучали негромкие голоса. Немцы — сначала в одиночку, потом группами и, наконец, толпами — начали прыгать из окон первых этажей, вылезать из подвалов, спускаться с костелов и, шепча: «плен-лагер!», «плен-лагер!», выстраивались в колонны.

К утру 13.VII их насчитали пять тысяч человек.

По-осеннему зябкий день, ветреный и дождливый.

В городе тихо. Только у госпиталя да в роще еще слышны пулеметные очереди и хлопки ручных гранат. Однако жители еще не рискуют покинуть свои убежища в глубоких подвалах.

Но в костелах старого города уже нежно звучат органы и слышно пение.

Перед старинными сводчатыми воротами, на которых икона Остробрамской богородицы, весьма чтимой населением, преклонили колена проходящие партизаны, несколько заплаканных детей да человек с перевязанной рукой и обгоревшими волосами.

Старушка подметает узкую, шагов в шесть-семь улочку Доминиканцев. Антиквар на улице Бернардинов собирает разбросанные по мостовой книги и заколачивает досками разбитые витрины.

По Большой Замковой сиделки в белых халатах несут кровати — больница перебирается в дом, из которого ее выгнали немцы.

Во дворах вскрывают ямы, где спрятаны были вещи.

На Большой улице, представляющей на самом деле узенькую улочку, протянутую сквозь крохотные старинные площади, на доме № 46, у Ратуши, доска — здесь жил в 1824 г. перед отъездом из Литвы Адам Мицкевич. В доме сейчас польские партизаны.

НА НЕВЕЛЬСКОМ ШОССЕ

Рисунок А. В. Кокорина (карандаш). 1 Прибалтийский фронт, 1944
Третьяковская галерея, Москва

Потом мы находим на Литератской улице дом, где Мицкевич родился. Уже вечереет. На уютных улочках старого Вильнюса, свидетельницах многих столетий, завязывается беседа с местными людьми. Сегодня день Петра и Павла, большой праздник, и в то же самое время это первый день освобождения от немцев Вильнюса. В таком совпадении многие находят хорошее предзнаменование.

Старухи в прожженных юбках старательно подметают улицы. Битое стекло уже не скрипит под ногами в кварталах старины.

Старухи окликают проходящих знакомых. Сообщают, кто где, какие потери, какие беды в квартале.

На стене небольшой церкви с отсеченным куполом читаю надпись, что здесь в 1705 г. Петр служил торжественное молебствие по случаю одержанной победы над войсками Карла XII и крестил в этой церкви африканца Ганнибала, прадеда Пушкина.

Старый Вильнюс пожжен, загажен, разграблен, но уцелел. Здание университета, насчитывающее четыре столетия, одно из самых красивейших, пострадало совсем мало.

Гораздо сильнее разрушены новые кварталы.

Сплошной зеленый листопад на всех мостовых. С деревьев сбиты все листья, сорваны ветви. Иные спеклись, как стояли. Здесь много домов, специально взорванных немцами при отходе, много пожаров и, конечно, нигде ни одного целого стекла.

Станислав Марьянковский с улицы Гедимина рассказывает, озираясь по сторонам:

— Чёрт их не возьмет! Говорили нам, что они самые культуральные

люди, а мы — поляки и литовцы — быдло. 9 июля они, знаете, согнали народ в кино «Пан», хотели пожечь живьем. Народ побежал, так они стали стрелять вслед. Спросите у всех, все скажут — это было.

Подходит один, второй, третий. Зовут поглядеть на женщину, раненую каким-то умирающим немецким солдатом.

Движимая состраданием, она подошла к нему, чтобы посмотреть, чем можно помочь, — а он поднял автомат и прострелил ей обе ноги.

Зовут рассказать о том, что происходило в гетто, показывают счастливых, спасшихся от расстрела.

Зовут прочесть письма из Германии, где в рабстве томятся близкие.

В монастырь сестер-визитинок, рассказывает старуха, немцы свозили вещи расстрелянных. Монахинь заставляли разбирать чулки к чулкам, отрезки к отрезам. Перед ними стояли огромные плетеные корзины — в одни складывалось все лучшее, это отправлялось в Германию в качестве подарков от города Вильнюса, худшее же вывозилось на рынок под общей рубрикой «еврейские вещи».

Наклоняюсь над корзиной, предназначенной для лучших вещей, — детские акварельные краски, губная гармошка, стоптанные туфельки, рваный чулок.

Что же называлось худшими вещами?..

Этот день был замечателен тем, что являлся обычным пехотным днем после одного и накануне другого сражения; по счету 25-м днем наступления, начавшегося на 503-м километре, считая от Витебска.

Солдаты спали по несколько минут, как пчелы, по капле собирая свой отдых.

Смерть, когда бы она ни пришла, всегда приходит не вовремя. Но со смертью не сладисься, — все умирают рано или поздно, даже самые осторожные люди. Что же касается тяжелого ранения — дело случая, и его можно избежать, в каком бы пекле ни находился, если толково вести себя. Убеждение, что ранят чаще всего по глупости и по недоглядке, исповедуется большинством фронтовых людей, у Павла же Петровича Лукашева, рядового, оно было основой всего его солдатского уклада жизни.

... Если бы кто-нибудь увидел его, подумал бы, что он кричит на бегу, это он так дышал, со свистом и стонами. В это время усталость погасила в нем чувство опасности, и он, помнится, даже не принимал никаких мер предосторожности.

«Слово надо приводить в действие сообразно тому, что оно выражает».

Следы недавнего оживления виднелись по всему берегу, придавая ему вид становища, внезапно оставленного жителями. Блиндажи были еще целы, древесные стружки еще сохраняли свой сырой домовитый запах, а широкие колеи, прорытые в песке танками и орудиями, еще были сыры и влажны, — из-за них берег у переправы выглядел темнее, чем сухое песчаное пространство по сторонам. Неман — река не величественная, но очень серьезная. [В воображении он казался рекою куда более мощной, но такова уж] история: все, что ею освещено, выглядит значительнее, чем полагалось бы по существу дела. Все же это был приличный водный рубеж, серьезное препятствие, о котором в войсках много говорили на пути к нему, прикидывая и гадая, успеет ли немец зарыться здесь и сколько времени понадобится на то, чтобы сбить его.

Немец оборонялся на южном берегу Немана, но зарыться надолго не успел, и сейчас переправа была пустынна и одинока ¹³.

Алиев, Кязим Амир Ахмед, р. 1921 г., студент, добровольно ушел в Красную Армию с 1938 г.; с октября 1943 г. командует 612 стрелковым полком 144 дивизии. Уроженец Мардакьян, городского района Баку.

Полк в прорыве не участвовал. Полк взял (один) Богушевск, форсировал Березину у Палика, шли с плотами из хвороста, на крышках через озеро Палик и пять дней дрались в Вильнюсе.

Два брата Алиева в армии — один, старший, на 1 Белорусском фронте младшим командиром, а меньший (1924 г. р.) на 1 Украинском фронте — рядовым. Дома одна мать и брат. Отец — нефтяник — умер.

Алиев служил в танковой дивизии Черняховского в начале войны. Поэтому у него темп танкиста.

В 1943 г. майор Шестер был замполитом, а Черняховский — командарм 60.

Помнит его требование — знать личный состав:

— Старшина должен уметь делать переключку, даже стоя спиной к строю! Надо знать людей!

Первый приказ Черняховского по фронту — потребовал делать переключку устно, а не по списку.

Все узнали Черняховского!

И Алиев знает своих по голосу, по походке, по обличью.

Пехота шла задумчивым шагом.

— Не раздражай пехоты, — сказал командир водителю и пояснил мне. — Пехота, знаете, не любит, когда ей мешают идти, заставляют жаться к обочине. Ровный шаг — это отдых — сберегает силы.

Есть лица, сохраняющие юношеские черты, несмотря на возраст и перенесенные испытания; есть глаза, в которых за мудрым сиянием зрелости вдруг блеснет искорка такого откровенного мальчишеского задора, что...

НА НЕМАНЕ

Среди холмистых солончаков разбросаны хутора. Крохотные рощи — в 20—30 деревьев — торчат на верхушках холмов, точно лес нарочито разбежался на отдельные звенья и рассредоточенно движется к Неману — на юг и на запад — к Балтике, подражая людям и танкам. Верст на 20 длиною туча медленно нарастает над горизонтом. <...>

Винтовочные выстрелы почти не были слышны как выстрелы. Они сливались в сплошную трескучую фразу с довольно частыми пулеметными многоточиями в ее середине. <...>

Самолеты, то отчетливо видные, то идущие на огромной высоте и слившиеся с голубиной, то «уточкой», ныряющие от хутора к хутору и от рощи к роще, то «воздушные танки» — «ильюшины», то, наконец, шустрые «яковлевы» — ни на минуту не исчезали над совершенно безлюдными холмами. <...>

Лошадь, беспокойно прыгающая на лугу, вдруг падала, далеко оглашая воздух звуками боли, или попавший под воздушную волну взрыва аист сразмаху шлепался на дорогу, занимая ее во всю ширину своим долговым беспомощным телом.

Когда бойцы генерал-лейтенанта Крылова проходят усталой походкой победителей по улицам Вильнюса и жители обнимают их, как родных, и плачут слезами радости, припадая к пыльным и потным гимнастеркам, мне хотелось бы, чтобы каждый из встречающих знал, какой гигантский путь боевых испытаний прошел боец Крылова, прежде чем снять каску и отереть пот в столице Советской Литвы.

Когда при Тарасове говорили о чужих подвигах, он краснел, будто видел в этом немой укор самому себе.

1945

Трудно сказать, какое имела Ельня значение с чисто оперативной стороны, сыграла ли большую роль в военных событиях лета 1941 г., но с чисто моральной, психологической стороны это была победа огромной силы и значения. Это был тот первый удар в челюсть, который юноша-боксер наносит своему противнику-профессионалу, чувствуя, что сможет нанести и посильнее, понимая, что он устоит в бою и одержит верх.

Ельня была солдатской теоремой, решенной так, как всем хотелось. Солдаты поняли — немца бить вполне можно. Ельня была — я позволил бы себе сказать — нашим духовным Бородино, после которого уже ни одно самое тяжелое испытание не нарушило солдатской веры в победу¹⁴.

Сила солдата не столько в мускулах и уменье играть в футбол, сколько в принципах. Верит он в свою силу — победит. Не верит — проиграет.

ПРИСТАНЬ НА КАМЕ¹⁵

Когда я вспоминаю нашу любовь и ее лучшие часы, в памяти моей всегда встают воспоминания о разлуках.

Жизнь нашу заполнили расставанья. Не встречи с друзьями, не оживленные балы, не путешествия в новые края, а всегда что-то грустное и несвоевременное заполняло нашу жизнь, внося в нее вместе с хлопотами и огорчением так много нежности, что иной раз душа уставала от нее, как от горя.

Из всех наших разлук одна была особенно грустна, но именно с нею связано в памяти ощущение огромного и полного счастья, благословившего нашу жизнь на долгие годы.

Стояла поздняя дождливая осень, вот-вот должны были грянуть первые морозы, но пароходы на Каме еще ходили. В тот военный год река обязана была трудиться как можно дольше, и жизнь берега, уже приготовившегося к скорой зиме, остановилась на распутье.

Под проливным дождем мы добрались с женой из города к пристани...

Что такое бессмертие?

— Это то, что после моей смерти долго будет необходимо потомству, это нужда во мне, когда меня уже нет.

Много ли нужно для бессмертия?

Нет. Только страсть.

ТАНКИ У РЕКИ

У реки, вблизи переправы, над свежей могилой стоит сожженный танк. Его видно издали. Рядом — следы горячего сражения. Они особенно свежи у переправы, прикрытой рвом, проволокой и надолбами из рельсов двухтаврового сечения. На их железных зубьях висит второй танк, третий же, тоже сожженный и пробитый местами в четырех, омертвел, уже проскочив надолбы. Как он промчался по этому сложному препятствию, понять невозможно, а вокруг нет никого, кто бы мог рассказать, после какого сражения и чью могилу охраняет обугленный танк-памятник, и сейчас непримиримо протянувший вперед, как древко знамени, свой исковерканный в бою ствол. Но все, кто проходит по дороге на запад, чувствуют, что дело за переправу было нелегким и не зря стоит танк на могиле.

На борту машины огонь пощадил эмблему той части, что дралась здесь: круг с двумя стрелами, пронзающими круг одна навстречу другой. Спустя несколько дней эта-то эмблема и привела меня в соединение гвардии генерала Ивана Антоновича Вовченко, а из него в танковую бригаду гвардии полковника Походзева, знаменитую тем, что она шла головной от Орши до Немана через Смоляны, Толочин, Минск, Вильнюс и Алитус. Танк-памятник, как и три других, сожженных у переправы, принадлежал бригаде.

Стоял один из тех упоительно-прекрасных июльских дней, которые долго запоминаются своей особенной, бьющей через край красотой. Все выглядело удивительно празднично — и легкие, едва проступающие на голубом небе облака, и сосновые боры, могуче благоухающие сухими, чуть подогретыми запахами хвои, и маленькие озерки, затканые ряской, и поля уже созревшей, металлически шелестящей ржи, и даже пыльные дороги, так легко, игриво огибающие холмы, точно в их задачу входило непременно украсить и обогатить места, через которые они пробегали. Из хутора, прикорнувшего в густом яблоневом саду, широко и просторно неслись

СОВЕТСКИЙ ТАНК НА ПЕРЕДОВОЙ

Рисунок В. С. Климашина (карандаш). 30 июня 1944 г.

Собрание В. Ф. Климашиной, Москва

звуки русской песни, исполняемой в Москве, и эта далеко слышная в тишине дня песня и сама его неправдоподобная, удивительная в обстановке войны тишина особенно напоминала праздник. Но день был будничным, тем только и замечательный, что он нечаянно оказался на редкость спокойным, как бы выходным. Вырвавшись далеко вперед, танки на сутки остановились, поджидая пехоту, чтобы сдать ей захваченный плацдарм, а самим снова ринуться дальше на запад. Восточная Пруссия была уже невдалеке. Танки стояли самыми первыми. Комбриг 19, опираясь на самодельную палку, прихрамывая, бродил по саду, недовольно ворча на тишину и дрему.

У изгороди, под тенью орешника, танкист, мурлыча песню, сосредоточенно варил в котелке варенье из лесной земляники, стряхивая с ложки на траву розовую пенку. Пахло жженым сахаром.

— Погромче Москву! — сказал полковник радисту. — Еще громче! Не могу, когда тихо. Танкисту нужен шум, грохот, тогда он в своей тарелке. Еще громче! Когда тихо, мне спать хочется. Подумайте, варенье варим.

Тишина дня и незажившая рана сегодня донельзя раздражали полковника, и он был рад вернуться к сражению у реки и мысленно еще раз ережить его.

И вот что услышал я о танке, стоящем памятником на придорожной могиле в сегодняшнем глубоком тылу.

Танки Георгия Антоновича Походзеева шли впереди подвижных войск. Они «торили тропу», пробивали первый след, прокладывали трассу победы впереди всех. Немцы отходили с боями, особенно цепляясь за переправы, — они еще пытались вывести из мешков и клещей кое-какую технику, а когда не успевали этого сделать, то уничтожали переправы, чтобы хоть на несколько часов задержать лавину нашего наступления. Генерал Вовченко поставил танкам задачу захватить переправу целой. Требовался молниеносный, ошеломляюще-дерзкий удар. Походзеев вызвал четыре танка под командой гвардии капитана Никиреева.

— Прорваться во что бы то ни стало к переправе! Распахнуть ворота любой ценой! Главное — быстрота! Не будьте дураками замедленного действия! Вперед!

Никиреев вывел свои машины строем кильватера с уступом влево и, скомандовав по радио «Быстрее делай, что я», на полном газу понёсся к боевым порядкам немцев, за которыми были расположены противотанковые препятствия. Генерал и Походзеев подняли к глазам бинокли. Дело, на которое шел Никиреев, было рискованным, трудным и — сказать правду — почти безнадежным, если рассматривать его логически, исходя только из того, что может и чего не может сделать хороший танк.

Всем ясно, что танк не может с хода пересечь рва. Однако в бригаде Походзеева были случаи, что пересекали. Первый танк падал в ров наподобие мостика, и по его корпусу переправлялся второй.

Всем понятно, что танк не способен проскочить по надолбам, не сбивши их предварительно, но бывали случаи, что проскакивал, как факир по кинжалам.

Не формальной логикой жили танкисты-котельниковцы. Некогда ими командовал Ротмистров, теперь во главе их стоял боевой ученик Ротмистрова стремительный Вовченко, а в танках сидели люди, сражавшиеся под Ленинградом, на Дону и на Украине. Они научились решать задачи, казавшиеся неразрешимыми, и добиваться успеха там, где его ничто не предвещало. Кто бы, например, мог сказать, что танк способен перейти по дну реки глубиной в два метра? А на Десне именно так и было. В то, что это возможно, не верили даже после того, как реку пересекли.

Походзеев приказал заткнуть паклей и замазать глиной все щели вокруг мотора и вести машины на 1800 оборотах, рассчитывая, что вода не

П. А. ПАВЛЕНКО В ГРУППЕ ГРУЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Слева направо: П. А. Павленко, Шалва Радиани, Ираклий Абашидзе, Сандро Эули
Фотография. Тбилиси, 1943

Собрание Н. К. Трениевой, Москва

успеет заглушить моторов за то время, пока танки преодолевают всю ширину Десны. Механики очутились по горло в воде, а танки выскочив на берег, как киты, фонтанами выбрасывали из себя воду. Сейчас четверем машинам гвардии капитана Никиреева предстояло овладеть дорогой для армии.

— Введите в дело второй батальон и самоходки! — сказал генерал, не отрывая от глаз бинокля. — Сейчас начнется.

Первый танк гвардии капитана Никиреева, а за ним и три остальных уже прорвали боевые порядки немцев и приближались к надолбам. Никиреев с хода ударил в них гусеницами — не пробил и остановился. И тотчас в него один за другим попало четыре «болванки», четыре бронебойных, и он загорелся.

Вступили в дело самоходки. Экипаж и автоматчики никиреевского танка залегли во ржи и открыли по немецкой пехоте огонь из автоматов. Танк гвардии лейтенанта Светлякова ринулся следом за первым, ударил по надолбам, прыгнул на них и — застрял. Еще секунда, запылал и он. В бинокль было видно, как, вылезая из люка, тяжело раненный Светляков повис на башне.

К надолбам неслись машины младших лейтенантов Бондяева и Шершнева. Немцы, не обращая внимания на огонь самоходных орудий, сосредоточили сейчас все внимание на этих двух героических танках, идущих на смерть.

Дым взрывов и густая пыль на время скрыли их с глаз Походзеева. Только высокий столб огня указал ему, где машины.

— Проскочили! — сказал он, не веря глазам. Танки Бондяева и Шершнева пылали за надолбами. Переправа была рядом. Угнетенные обстановкой, молниеносно сложившейся не в их пользу, немцы быстро собира-

лись за реку, забыв обо всем на свете, и вели бой теперь уже только за себя. За то, чтобы успеть удрать, а не оказаться в плену.

Как только запылали танки, а они загорелись очень быстро — один за другим, экипажи и автоматчики выскочили в рожь. У автоматчиков оружие было. Командирам же танков, башнерам и механикам пришлось действовать сначала ножами, а потом оружием, отобранном у немцев в рукопашной, и, наконец, снова ножами, когда боеприпасы были исчерпаны.

Как только переправа была захвачена и очищена от последних немцев, войска двинулись дальше, — танкисты стали искать тех из своих товарищей, которые не вернулись из первых четырех танков. Они нашли тела пятерых храбрецов, окруженные десятками убитых немцев. Это были гвардии капитан Никиреев, гвардии лейтенант Светляков, лейтенант медицинской службы Погодин, лейтенант Чеботарев и санитарка Маша Инкина. Тела погибших носили следы зверств и пыток. У многих были выколоты глаза, а у Маши Инкиной срезаны щеки и губы. Какой сумасшедший зверь, в панике спасая свою шкуру, нашел время мучить умирающую от жестоких ранений девушку? Где он? Не стоит ли он, опустив голову и поворовски оглядываясь, среди пленных? Не ползает ли на коленях перед танками, вздымая к небу руки и уверяя, что он не успел убить ни одного русского?

Впрочем, в тот день пленных было немного. Танкам их некогда брать. Войска стали переправляться через реку, не задерживаясь ни на минуту, и мертвые танки, догорая, еще освещали своим огнем проходящие мимо них колонны машин. Командиры отдавали честь погибшим впереди кораблям. Погибших героев похоронили у дороги. На могильный холм подтащили сожженный танк Никиреева, и он стал памятником собственной славы и подвига тех, над прахом которых он простер свое продырявленное стальное тело.

Танки с эмблемой — круг, а в кругу две стрелы, одна навстречу другой, — стоят недалеко от Восточной Пруссии. Гвардии младший лейтенант Шершнев, один из героев захвата переправы, говорит:

— Труднее того, что мы сделали, ничего не может быть. Немецкая граница — не река, не вал, а мы и реки и валы проходили. Где только ни погулял в это лето танкист наш! Где только ни отвел душу! За все года, за всех живущих и погибших друзей отвел душу! Теперь бы самый раз нам в Германию. Душа до крайности распалилась!

Походзеев, дав договорить Шершневу, заканчивает:

— Вот наварим варенья, поедим черники и — кроем вперед. Мы должны быть первыми на немецкой земле. Такой у нас уговор. Понятно? — И, видно, опять вспомнив этот тихий, стоячий, как вода в пруде, день, незаконно спокойный, несвоевременно неподвижный, он кричит радисту: — Громче Москву! Еще! На полный! Пусть хоть радио тарахтит, когда танки спят!.. Напустили тут тишины и — радуются.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая запись, как и шесть последующих, относится к незавершенной повести Павленко «Во имя жизни». Тема повести разработана писателем в рассказе «Путь отваги» («Огонек», 1942, № 38); в переработанном виде рассказ вошел в сборник рассказов «Путь отваги» и в т. 3 Собр. соч. П. А. Павленко (Гослитиздат, 1954). Все эти записи в рукописи не сохранились — они печатаются по авторизованной машинописной копии.

² Павшина — персонаж из повести «Во имя жизни», актриса, выехавшая с театральной бригадой на фронт; в рассказе «Путь отваги» выведена под именем Лиды.

³ Запись относится к неопубликованному сценарию «Газават». Рукопись не сохранилась. Печатается по авторизованной машинописной копии.

⁴ Запись относится к статье «На огневых позициях», посвященной украинской литературе и опубликованной в газете «Литература и искусство» (1942, № 39, 26 сен-

тября). Рукопись этой и предыдущей записи не сохранилась. Печатается по авторизованной машинописной копии.

⁵ М. А. Таленский. Великое сражение под Сталинградом. М., Госполитиздат, 1943, стр. 16.

⁶ Тема «Кавказские города» частично реализована в очерке «Бакинцы» (Собр. соч., т. 5).

⁷ Виктор Соловьев — герой рассказа Павленко «Мальчик на костылях». Вместе с рассказами «Завещание», «Последнее слово», «Потерянный сын» этот рассказ впервые был опубликован под общим названием «Простые рассказы» в газете «Красная звезда» (1943, № 95, 23 апреля); затем был включен в сборник «Кубанские рассказы». Публикуемая запись в рассказ не вошла.

⁸ Эта запись (как и последующая) относится к рассказу «Витя Судак», опубликованному в журнале «Красноармеец», 1943, № 15.

⁹ Батарея старшего лейтенанта Андрея Эммануиловича Зубкова в 1942 г. входила в дивизион героя Севастополя Матушенко и обороняла «Высокий мыс» — холм, который, по свидетельству писателя, немцы называли «гора Зубкова» («На Высоком мысу»). Рассказ вошел в одноименный сборник — М., Военно-морское изд-во НКВМФ, 1943). Павленко в этом рассказе называет батарею Зубкова «дита севастопольской славы».

¹⁰ Писатель имеет в виду трагический исход Керченской операции 1941—1942 гг. Успех Керченского десанта не был закреплен и время упущено, что и использовал противник.

¹¹ Гвардии полковник Походзеев, командир танковой бригады. См. о нем в рассказе Павленко «Танки у реки».

¹² Запись относится к неопубликованному очерку «По дорогам Белоруссии и Литвы». Печатается по авторизованной машинописи.

¹³ Запись относится к рассказу «Инициатива» («Красная звезда», 1944, № 184, 5 августа); в записных книжках этот рассказ назывался «Солдатская флотилия». Запись в печатный текст рассказа не вошла.

¹⁴ Запись о Ельне относится к работе над очерком «Маршал Жуков» («Правда Украины», 1945, № 124, 24 июня, и журнал «Смена», 1945, № 15). Печатается по авторизованной машинописи.

¹⁵ В записи речь идет о поездке в 1942 г. в Чистополь, куда вместе с другими писательскими семьями была эвакуирована и семья Павленко.